
Мотрошилова Н. В. Последнее интервью и новая книга Юргена Хабермаса : «Никто и ничто, достойные этого, не должны быть забыты в современной истории философии» // Философия. Журнал Высшей школы экономики. — 2020. — Т. 4, № 4. — С. 297–313.

Неля Мотрошилова*

ПОСЛЕДНЕЕ ИНТЕРВЬЮ И НОВАЯ КНИГА ЮРГЕНА ХАБЕРМАСА**

«НИКТО И НИЧТО, ДОСТОЙНЫЕ ЭТОГО, НЕ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ЗАБЫТЫ
В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ»

HABERMAS J. AUCH EINE GESCHICHTE DER PHILOSOPHIE : IN 2 BDE. — BERLIN :
SUHRKAMP, 2019.

DOI: 10.17323/2587-8719-2020-4-297-313.

АКТУАЛЬНОЕ ВВЕДЕНИЕ: ИНТЕРВЬЮ ЮРГЕНА ХАБЕРМАСА

О каких темах будет идти речь и применительно к какому комплексу проблем будут обсуждаться и без того актуальные в последнее время идеи Хабермаса, высказанные в его новом двухтомном сочинении «И снова — история философии»¹ («Auch eine Geschichte der Philosophie»)? Мы, то есть российские историки философии, стали сравнительно недавно конкретно обсуждать (скажем, в журнале «Вопросы философии» и в других периодических изданиях) это новое сочинение всегда популярного — в том числе и в нашей стране — западного философа. Но сейчас речь идет и пойдет далее о самых последних событиях, случившихся и еще свершающихся в связи с новейшими выступлениями Хабермаса. А с ним, что называется, не соскучишься...

И вот совсем свежее известие: Хабермас снова дал интервью; объявлено, что оно посвящено коронавирусу! Сначала мы посмотрим, как обставляет сенсацию сама газета *Frankfurter Rundschau*, в которой интервью появилось (10.04.2020) (Jürgen Habermas über Corona, 2020).

*Мотрошилова Неля Васильевна, д. фил. н., главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук (Москва), motroshilova@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-7348-6668.

**© Мотрошилова, Н. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

¹Такой вариант перевода я обосновывала в готовящейся к печати в журнале «Вопросы философии» статье «Ожидаемое и неожиданное в новой книге Юргена Хабермаса „И снова — история философии“ („Auch eine Geschichte der Philosophie“)».

Интервью озаглавлено «Юрген Хабермас о коронавирусе: „Никогда еще не было столько знания о нашем незнании“».

Эпоху составило, — так пишет газета, хотя и не слишком понятно, на каких основаниях, — дискурсивно-теоретическое развитие Хабермасом марксистской критической теории, которое перетекло во взыскательное обоснование демократического правового государства.

Интервью с Хабермасом начинается с особо насущного вопроса о кризисе с коронавирусом. Вопрос был, на первый взгляд, сугубо личным: «Профессор Хабермас, как Вы лично переживаете коронавирус?». Хабермас ответил:

Я могу сказать только о том, что в эти дни приходило мне в голову. Наше сложное общество, конечно же, постоянно встречается с неустойчивыми явлениями, но они выступают как локальные и неодновременные, протекают более или менее незаметно и в той или иной части общественной системы решаются соответствующими специалистами. А сегодня, напротив, экзистенциальная неустойчивость является глобальной и одновременно протекает в головах индивидов, охваченных влиянием средств массовой информации.

Каждому отдельному человеку, — продолжал Хабермас свой ответ интервьюеру, — объясняют, что борьба с пандемией предполагает самоизоляцию отдельной личности (с учетом деятельности перегруженной системы здравоохранения) как важнейшую переменную. При этом неуверенность проявляется не только в том, чтобы объявлять эпидемические опасности, но и в том, что имеются полностью необозримые хозяйственные и социальные следствия. В этом отношении, насколько известно (в отличие от тех, кто знает что-то о вирусе), нет конкретных экспертов, которые могли бы уверенно судить об этих последствиях. Хозяйственные эксперты, эксперты из общественных наук просто-таки должны воздержаться от неточных прогнозов. Одно можно сказать: никогда еще не было столько знания о нашем незнании и о необходимости действовать и жить при неопределенности.

Интервью Хабермаса газете «Frankfurter Rundschau», которое мы освещаем по двум главным причинам (из-за отклика на коронавирус и из-за связи с новой книгой Хабермаса), на самом деле получилось более широким по своим тематике и значению. Главная причина состоит в том, что интервьюер как бы перескакивал от одной темы к другой. Мы уже остановились на актуальном вопросе о коронавирусе, как его толкует в недавние дни знаменитый философ, а теперь перейдем к ряду других проблем, которые включил в беседу интервьюер и на которые счел необходимым ответить Хабермас, тем более что они во

многим касались его новой книги, сравнительно недавно поступившей в книжную торговлю Германии.

Интервьюер продолжает:

Ваша новая книга «И снова — история философии» вышла уже третьим изданием, и ее тема, отношение веры и знания в западной традиции мысли, являются всем чем угодно, но не тем, что можно было бы назвать простым вопросом. Рассчитывали ли Вы на такой успех?

Хабермас ответил:

Когда пишут книгу, об этом не думают. Тобой владеет страх сделать ошибки. Создавая каждую главу, думают о возможных противоречиях или возражениях экспертов, которые лучше знают некоторые детали.

Мы обратимся к этим вопросам еще раз, когда будем обсуждать содержание новой книги. Но об одном изменении нужно упомянуть сразу:

До сих пор, — говорит Хабермас, — читателями моей книги по большей части были представители академических кругов и студенты различных специальностей, а прежде всего — учителя, многие из которых преподавали этику и социальные науки. Но в последнее время, т.е. собственно в последние месяцы, до меня стало доходить эхо от совсем другой читающей публики — от тех, кого интересует тема веры и знания, но кто при этом принадлежит к совершенно другим слоям.

Когда Хабермас объявил общую тему тома, «вера и знание», она заинтересовала других людей. Каких же? На этот раз ими были, по мнению самого Хабермаса,

врачи, юристы, менеджеры. Они, очевидно, — сказал Хабермас, — еще немного доверяют философии в ее работе самопонимания (*Selbstverständigungsarbeit*). И это, — добавил Хабермас, — меня удовлетворяло.

Далее начинается подробный разговор о книге, подобный тому, который мы уже вели ранее в другом месте (например, о роли Гердера и его «auch» в выборе Хабермасом названия).

«Восходящее к Гердеру словечко „также“ („auch“²) в названии Вашей работы сбивает меня с толку», — сказал интервьюер. Последовал ответ:

Это «также» в титуле обращает внимание читателей на то, что здесь дано только одно из возможных толкований истории философии наряду с другими. Этот жест скромности предостерегает читателей от ложного понимания,

²Которое мы, напомним, в контексте названия новой книги Хабермаса предлагаем переводить как «снова».

согласно которому представлена исчерпывающая или даже дефинитивная история философии. Я сам следую такой линии интерпретации, согласно которой эта история философии проистекает из перспективы определенного понимания постметафизического мышления как процесса обучения. Никакой отдельный автор не может избежать определенной перспективы; а в ней отражается, естественно, что-то от его теоретических убеждений. Однако это — лишь выражение фаллибилистического сознания, которое ни в коем случае не должно ограничивать содержащиеся в моих высказываниях претензии на истинность.

Стоило Хабермасу признаться в особом личном интересе, как и в интересе части его читающей публики, к истории *средневековой* философии, как интервьюер озадачил его новым, притом конкретным вопросом:

Я замечал у вас, — сказал он, — о чем раньше не догадывался, большую симпатию к философским достижениям христианского средневековья. Не является ли эта симпатия результатом процесса обучения, который для Вас самого стал неожиданным?

Интересен ответ Хабермаса:

Я занимался в моих последних лекциях перед уходом на пенсию философией Фомы Аквинского. Уже тогда я был восхищен конструктивной силой и внутренней консистентностью этой грандиозной системы. Подобным же образом меня восхитило чтение Дунса Скота и Уильяма Оккама.

Еще одна порция вопросов к Хабермасу и его ответов, полагаю, тоже очень важна. Так, интервьюер спросил: «Но тогда Ваша книга подводит к вопросу, есть ли „прогресс“ в философском мышлении. Грубо говоря, „лучше“ ли Кант, чем Аристотель?» Ответ Хабермаса — спокойный, решительный и категоричный:

Конечно, нет. В столь же малой мере, как Эйнштейн «лучше», чем Ньютон. Я не хочу, — продолжал он, — затушевывать существенную разницу между философским и научным мышлением и не говорю о прогрессе в философии в том же смысле, что и в науке. В обоих случаях слово «устарело» употребляется не в одном и том же смысле [...] Однако [все] они стали классическими мыслителями, а «классический» означает: у них все еще есть что-то, что они могут нам сказать.

Скажу о своем отношении к публикации этого нового интервью Хабермаса, в котором он, в частности, поведал о своем взгляде на остроактуальную тему эпидемии коронавируса. Оно не понравилась мне,

однако совсем не из-за того, что именно в нем сказал Хабермас. Главная причина в том, что интервьюер газеты «Frankfurter Rundschau» был плохо подготовлен к тому, чтобы вести разговор с прославленным философом. Ибо среди его вопросов (как, впрочем, и в редакционных интермедиях) попадались или просто спорные, или наивные. Поэтому Хабермасу приходилось приводить свое мнение по некоторым вообще-то уже разъясненным в философии темам, в том числе уже раскрытым самим Хабермасом в многочисленных ранее опубликованных сочинениях по истории философии. При этом интервьюер порой пытался изобразить все так, будто трудности понимания, скорее, заключены в текстах самого Хабермаса. Интервьюер, например, пожаловался на то, что в новой книге ему бросились в глаза повторы, возвращения к уже сказанному и так далее. Он также заявил, будто слабости в текстах Хабермаса — это уступка выдающегося философа «любителям». Словом, он упомянул о неприятных «дидактических» чертах работы. Однако, что я считаю важным, Хабермас не оспаривал наличие подобных недочетов в томах его книги. В ответах он счел за лучшее если не согласиться с критикой журналиста, то даже откликнуться на неё. Во всяком случае, он принял в расчет некоторые его пожелания. Об этом следует подумать нам — философам России. Есть ли у нас понимание того, какие круги ждут от нас помощи в «работе самопонимания», или, иными словами, какова теперь наша читающая публика, интересующаяся философией в современных условиях в России?..

«НИКТО НЕ ЗАБЫТ...» КАК ПРИНЦИП ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ В НОВОЙ КНИГЕ ХАБЕРМАСА

Считаю саму эту идею Хабермаса, не просто высказанную, но и во многом реализованную им в последней книге «И снова — история философии», поистине грандиозной, теоретически и практически плодотворной, причем не только для гуманитарного знания, но для него — особенно. Так, само собой разумеется, подобные амбициозные идеитребования — в случае их первоклассной реализации — повлекли и еще повлекут за собой позитивные исследовательские эффекты и результаты. Один из них проявился, например, в многоаспектности, новой содержательности гуманитарного знания (что, конечно, не тождественно многословию и избытию повторов одних и тех же мыслей, будь они даже отлиты в знаменитые формулы и впервые воплощены в жизнь великими философами).

Это представляется мне содержательно релевантным всей новой книге Хабермаса, и вот по какому главному соображению: он сам не оставил никаких сомнений в том, что в новой книге его будет волновать история философии, взятая именно в максимально возможной «на сегодня» полноте (пусть это остается сверхзадачей даже в объемной двухтомной книге). Хочу также подчеркнуть: обсуждаемая исследовательская максима не просто провозглашается, а проводится, по сути, в каждом разделе. В данной статье я особенно хочу проследить и доказать плодотворность комплекса идей Хабермаса, который я назвала «Никто и ничто, достойные этого, не должны быть забыты». Это, к примеру, означает: стоит, по Хабермасу, затронуть исследования философских *традиций*, в которые были включены наиболее известные философы. И это — не единственное условие, которое Хабермас ставит в новой книге перед собой и перед теми, кто хочет грамотно и плодотворно работать в истории философии настоящего и будущего. Наметим, сначала схематично, какие по характеру дополнения считает необходимым Хабермас в своей книге «И снова — история философии».

Одно из них — призыв вспомнить об авторах, почти совсем забытых «к нашему времени». Возьмем, к примеру, тему соотношения языка и разума, которой Хабермас и прежде — наравне с другими классиками философии и ее истории — уже уделил пристальное внимание. Четкий призыв Хабермаса в новой книге: не забывать в этом контексте о сочинениях Гердера, Шлейермахера и В. фон Гумбольдта (в разделе «Мотивы лингвистического поворота у Гердера, Шлейермахера и Гумбольдта») («Motive der lingvistischen Wende bei Herder, Schleiermacher und Humboldt») (Habermas, 2019: 428ff). Считаю существенным, что этот призыв примыкает к разделу о Канте и Гегеле³. Другой пример — немецкий философ И. М. Хладениус с его книгой «Всеобщая историческая наука» («Allgemeine Geschichtswissenschaft...»), 1752. Почему Хабермас считает нужным вспомнить — и достаточно подробно — об этом современнике Юма и Канта, приводя в качестве убедительных примеров упомянутые выше сочинения Хладениуса? Разъясню, как работает этот хабермасовский историко-философский принцип «осовременивающего воспоминания» (термин Гуссерля). Хабермас причисляет идеи Хладениуса, его рассуждения к ряду расположенных между «hermeneutica

³И я, к примеру, занявшись с первых шагов в качестве исследователя идеями обоих этих философов — и как историков философии, и как ее объектов и субъектов, — полностью разделяю предложение Хабермаса.

profana» и «hermeneutica critica» и считает их относящимися к разряду знаний, которые только возвещали о более поздних работах по герменевтике. Здесь — в более поздней перспективе — Хабермас имеет в виду «Истину и метод» Х.-Г. Гадамера — создателя современной герменевтики. Именно Гадамер, согласно Хабермасу, двумя столетиями позже Хладениуса выступил в определенной согласии с этим просветителем.

Недостаток места не позволяет мне подробно развернуть те ценные фрагменты книги Хабермаса, которые раскрывают вклад в историю философии таких авторов, как Гердер. От него, как мы уже упомянули, анализируя в другой статье заглавие книги Хабермаса, исходит сама идея «снова» написать историю философии, где, в частности, «никто и ничто не было бы забыто». В этом отношении раздел книги Хабермаса, посвященный Гердеру, очень ценен: Хабермас правильно присваивает ему заслугу основания историзма и в широком смысле исторической школы. Об этой части книги Хабермаса я сужу не как специалист по Гердеру, но мне — как историку философии — она представляется превосходной. В особенности это касается того фрагмента, где обсуждается образ Гердера как философски настойчивого историка, рассматривающего историю философии холистически; история философии у него становится полноправной наукой о человеке, подобной эмпирическому естествознанию. Как раз в этом контексте Хабермас и вспоминает произведение Гердера («Идеи к философии истории человечества», 1784–1791), которое вдохновило его дать новой книге такое название, призванное вызывать это произведение в памяти.

Поясню, что в данном случае я имею в виду и подчеркиваю в отношении возможной новой формы истории философии: важно то, что проявляется в объединении, с одной стороны, оригинального подхода к каждому автору, а с другой — пристального интереса как раз к *общему историческому повествованию*. В этом я вижу особенность истории философии как науки. А в связи с этим возникает следующий вопрос: в чем состоит специфика новой книги Хабермаса (по сравнению, например, со многими другими историко-философскими произведениями, скажем, его самого и немалочисленных коллег)? С самого начала следует подчеркнуть, что Хабермас уделяет пристальное внимание (быть может, беспрецедентное в истории мысли) *целостности историко-философского процесса*.

Почему оказывается важным «пересмотр» истории философии в новой книге Хабермаса? Полагаю, нужно проанализировать и особенно отметить такую именно ее характерную черту, без труда обнаруживаемую исследователями, которые и сами придерживаются другого (по сравнению с привычным) принципа изображения общего историко-философского процесса. Историки философии разных стран привыкли к «раздельному» восприятию этого процесса применительно к тем или иным мыслителям. Что, собственно, это означает для реального исследования? Занимаясь анализом мыслителей определенного периода, мы чаще всего как бы «изолируем» их из большой исторической перспективы нашей дисциплины. Иногда, правда, предмет нашего анализа становится фрагмент исторической *связи*. Характерно, однако, что в обоих случаях речь идет об искусственном «разрыве-расколе» того, что в реальной истории философии (все равно — разных времен или одного большого исторического времени, скажем, Нового времени) неотделимо друг от друга. Ведь в истории философии — как в особой дисциплине — неизменно ценится *оригинальность* в изображении того или иного мыслителя. Из-за этого «лучшими» образцами историко-философского творчества считается, как правило, нечто выпадающее из общей картины, составленной из выработанных представлений о том, что происходило вокруг мыслителя в реальной истории. Хабермас считает, что в современной историко-философской картине как бы пересекаются — и потому должны быть особо выделены и рассмотрены — два потока: реальной мысли и истории философии. Причем и то, и другое относится, разумеется, к разным страницам истории и к темам, различающимся как по идее, так и по методологическим требованиям. Тем не менее в новой книге «то и другое» предстают в определенном единстве. И требование принять во внимание такое единство, по мнению Хабермаса, как раз и воплощается в соблюдении принципа «никто не забыт...».

Мне представляются также особенно ценными, исторически перспективными нижеследующие более конкретные рассуждения Хабермаса. Например, одно из них содержится во «Втором промежуточном рассмотрении». В нем он очень подробно анализирует (под заголовком «Важное переломное событие (Zäsur)») *взаимоотделение веры и знания* как исторически конкретную проблему вполне реального прошлого, не утратившую значение и для «современного европейского человечества». Хабермас описал, в каком *реальном историческом контексте* осуществлялось разделение веры и знания. Он придает такому анализу

реальной истории исключительное значение (Habermas, 2019: 191). Почему Хабермас настроен именно так? Он объясняет причины — и делает это, на мой взгляд, вполне интересно и глубоко: учитывая, с одной стороны, что о взаимоотношении веры и знания было принято говорить как о «переломном событии (Zäsur)», нужно также представлять себе, сколь многое упускается из виду при такой перспективе. А именно — Хабермас подробно рассказывает о том, насколько сильно расходились философские мысли и осмысливающееся с их помощью реальное.

Государство со времен Аристотеля, — пишет Хабермас, — является предметом практической философии. Но то политическое развитие, которое в последней четверти XVIII века в США и Франции привело к революции и конституции, обогатило и философских современников совершенно новым опытом. Они могли наблюдать, как идеи конституции, развитые Гоббсом и Спинозой, через Локка вплоть до Руссо [...] не только инспирировали политические баталии и возбуждали общественные дебаты, но и сыграли особую роль [...] для обоснования революционных идей (ibid.).

Вот почему рассуждения Хабермаса мне представляются имеющими особое *современное* значение. Скажу о том, почему Хабермас полагает, что *проблема веры и знания* не снята и сегодня — как в индивидуальном, так и в общественном опыте. Что касается истории мысли, то тут как бы и спорить не о чем. Но ведь перед нами сегодня особая, противоречивая реальность; возьмем, к примеру, «секулярно мыслящих» философов. Что определяет их поведение внутри религиозно понимаемого «сегодня»? Вопрос требует (и так думает не только известный новатор Хабермас) все-таки принять для себя некую максимум практического характера, для того чтобы конкретно (т. е. ближе к реальному историческому развитию) понять духовную сторону наблюдаемых преобразований. Хабермас в своей книге проанализировал многие релевантные процессы, которые, не будучи чисто философскими, нашли, однако, свое отражение в философии.

Например, Хабермас достаточно подробно (ibid.: 114) поведал в новой книге о «революции в естествознании». Данный фрагмент показывает, насколько Хабермас озабочен созданием целостной, как можно более точной картины происходивших изменений. Хабермас пишет, к примеру:

Все они, — то есть деятели, осуществлявшие революцию в естествознании, — были верующие христиане. Коперник, например, состоял на церковной службе. Галилей был глубоко погружен в католическую веру (ibid.: 119).

Математики и естествоиспытатели, — делает вывод Хабермас, — определившие физические законы универсума, не сделали выводы, касающиеся понимания самих себя и мира (Habermas, 2019: 116).

Я не ставлю перед собой цель воспроизвести хабермасовские образы великих философов Нового времени (при том что каждое из этих описаний вносит интересные для специалистов стороны и оттенки); наиболее важным разделом разбираемой книги Хабермаса для меня является тот, где даются образы Юма и Канта.

Можно было бы, если бы именно эти строки не писались во время эпидемии коронавируса, надеяться на дискуссии вокруг обновленных Хабермасом образов Юма и Канта. Но, по крайней мере, изложу свой, во многом тоже обновленный вариант (по сравнению с образами философии Канта, которые я набрасывала раньше в своих кантоведческих работах). Приведу следующую формулировку, имеющуюся в новой книге Хабермаса:

Методически атеистическое расставание с христианским учением у Гоббса и Спинозы еще не означало пренебрежение системным мышлением. Но, начиная с Юма и Канта, методически секулярное и пост-метафизическое мышление идут рука об руку (ibid.: 204).

В какой мере сегодня и нам можно согласиться с подобным подходом к пониманию сути и исторической роли философии Канта?

НОВЫЙ ОБРАЗ КАНТА В КНИГЕ ХАБЕРМАСА «И СНОВА — ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ»

Что нового в последней книге Хабермас сказал именно о Канте? Строго говоря, Хабермас (и я полагаю, с полным на то основанием) объединил в одной целостной главе своего двухтомника анализ философии Юма и Канта. Он сделал это в восьмой главе второго тома под заглавием «На развилке постметафизического мышления: Юм и Кант» («An der Wegscheide nachmetaphysisches Denkens: Hume und Kant») (ibid.: 213–374). Для меня лично, должна сразу признаться, эта глава представляет большие трудности: я в основном не специализировалась в философии Юма. На фоне того значительного прогресса в юмоведении, который запечатлен в новой замечательной книге члена-корреспондента РАН В. В. Васильева «Дэвид Юм и загадки его философии» (Васильев, 2020), я уверена, неспециалистам лучше воздержаться от суждения о юмовской философии (кстати, если бы две высококлассных книги, Хабермаса и Васильева, не писались независимо друг от друга, можно

было бы сказать, что в книге о Юме Васильев как бы следует хабермасовской линии «никто не забыт, ничто не забыто...»). И так, я не могу квалифицированно оценить рассуждения Хабермаса о Юме, а вот поразмыслить о тех путях и находках, которые нам встречаются в его сильно обновленном образе Канта, задуматься нужно⁴.

⁴Принципиально также и то, что в разделе о Канте Хабермас уточняет основополагающую философскую терминологию. А это, что называется, непреходящая задача, даже долг философов, и не только тех, которые изучают наследие Канта. В связи с темой взаимоотношения веры и знания, конечно же, обращает на себя внимание всегда вызывавшая споры толкователей проблема перевода кантовского глагола «aufheben». Помните знаменитое высказывание: «Итак, я должен был приподнять, отодвинуть знание, чтобы [свое] место заняла вера» («Ich mußte also das Wissen aufheben, um zum Glauben Platz zu bekommen») (В ХХХ)? Повторю то, что я уже сказала по этому вопросу: «Знаменитое кантовское положение: „Ich mußte also das Wissen aufheben, um zum Glauben Platz zu bekommen“ требует — как мы полагаем, нетрадиционного перевода и толкования, причем исходя и из содержательно-теоретических, и из лингвистических соображений. Традиционный перевод: „Поэтому я должен был ограничить (aufheben) знание, чтобы освободить место для веры“. Возражение вызывает перевод глагола „aufheben“ именно словом „ограничить“. Иногда (см. перевод Соколова, а также английские, французские, итальянские переводы, в которых aufheben передавалось словами abolir, abolish, т. е. уничтожить, deny, т. е. отрицать, eliminare, т. е. элиминировать) предлагается передавать aufheben словом „уничтожить“ (в смысле немецкого vernichten), и с чисто лингвистической точки зрения это было возможно, ибо у слова aufheben есть такое (второе) значение. Но подобное толкование представляется совсем уж неприемлемым. В общем и целом такие варианты перевода согласовывались с (марксистской) критикой агностицизма Канта и убежденностью, что великий мыслитель якобы принципиально подчинил знание вере. Между тем в содержательном отношении такой упрек несправедлив. Ведь Кант имеет в виду следующее: как знание, так и вера (соответственно теоретический и практический разум) должны занимать свое и только свое место, хотя теоретический разум в традиционной метафизике всегда претендовал на то, чтобы его экспансия распространялась и на место, по своей сути предназначенное для разума практического. В том пассаже текста, перевод которого мы изменяем, речь идет конкретно о знании (Wissen) как символе деятельности теоретического разума и вере (Glaube) как символе деятельности практического разума. И Кант просто хочет „убрать“ теоретический разум с того места, которое он неоправданно занял, когда стал претендовать на решение задач, выполнимых лишь с помощью практического разума. Выражению этой мысли хорошо служит глагол „aufheben“ в его первом значении: aufheben — значит приподнять, отодвинуть (что-либо; здесь — теоретический разум, знание), чтобы освободить место, по праву принадлежащее чему-либо другому (здесь — практическому разуму, вере). (Поэтому перевод А. Гулыги: „Пришлось возвысить знание, чтобы дать место вере“ — при всей его парадоксальности верен по содержанию). Очень существенно следующее: то, что приподнимается, отодвигается, ни в коем случае не уничтожается, не принижается, даже не испытывает ограничений. Если и происходит какое-то ограничение, то это касается исключительно неоправданных притязаний занять „чужое“ место. Значит, теоретическому разуму из-за такого „aufheben“ не наносится никакого ущерба; в себе или для себя он по-прежнему обладает всеми своими огромными

Хабермас исходит из того, что в чем-то очень существенном Юм и Кант решительно расходятся друг с другом, например, в оценке естествознания. «Это второе „что-то“ касается, — полагает Хабермас, — концепции, если хотите, модели законодательствующего разума» (Habermas, 2019: 302). Это, считаю, серьезный пункт. В чем тут дело? Для Хабермаса, кроме уже названных моментов, анализ философии Канта в новой книге оказался сопряженным с целым рядом обновленных вопросов, которые могли интересовать и других мыслителей (отвлекусь от того, как они трактовали эти сюжеты). Хабермас исходит из того, что, с одной стороны, Кант — с его вопросами «Что я могу знать?», «Что я должен делать?», «На что я могу надеяться?» и, наконец, «Что такое человек?» — должен был иметь дело с тем, что религиозное содержание этих вопросов после их «дифференцирования» теряет свой подчиненный смысл. Но дело не только в этом. Получается, подчеркивает Хабермас, что каждому оттенку разработки этих вопросов уже были посвящены особые усилия каких-либо дисциплин гуманитарного знания. Так, ориентация на гносеологию задает ответы на те или иные насущные вопросы, более того:

Мы увидели, что Кант уже вынуждает иметь дело с сухой верой в то, что приходится не только искать место для религии, но и защищать интересы разума в его собственном практическом становлении в мире (ibid.: 301).

Считаю эту последнюю кантоведческую интуицию Хабермаса одной из самых ценных среди развитых им в последней книге. Это проблема «критического разума», проверяющего на истинность и научность не что-нибудь другое, а свои собственные операции (*die kritische, ihre eigene Operationen prüfende Vernunft*) (ibid.: 313). В этом отношении Хабермас обращает внимание на важные и сегодня побудительные мотивы, которые он рекомендует учесть и заново продумать тем философам, которые работают над наследием Канта.

Хабермас ставит вопрос: во имя чего Кант делает все перечисленное и что именно он приглашает учесть его толкователей? Обновленное понимание Хабермасом разума в его кантовском толковании считаю здесь ключевым моментом (ibid.: 306):

потенциями и задачами» (Мотрошилова, 2006: 746–747). Я и сейчас не отказываюсь от этого толкования.

Кант понимает разум не только как от природы (von Haus aus) данную практическую способность, которая управляет понятийными операциями и действиями; одновременно он указывает на его [разума] собственные когнитивно-мотивационные границы: «Разум должен исполнять свое призвание — а он призван к созданию законов при конечных условиях».

Между прочим, Хабермас более внимательно, чем многие другие авторы, останавливается здесь на кантовском понимании частички «selbst», например, в слове «Selbstdenken» («самостоятельное мышление»):

«Selbs» означает, что надо искать высший пробный камень истины в себе самом, то есть в своем разуме, и максима о том, что всегда надо мыслить именно так, и есть Просвещение.

Пользоваться собственным разумом, согласно Канту, означает (Habermas, 2019: 307):

В любом случае, когда кто-то должен что-то предпринять, он обязан спросить самого себя об основании сделать это, в конце концов достигая принципов всеобщего основоположения употребления своего разума.

И дальше следуют цитаты из Канта, хорошо иллюстрирующие эти кантовские понятия, где фигурируют, например, слова «Aufklärung in einzelnen Subjekten» («Просвещение в отдельных субъектах») (Кант, 1994: 234–235), с оговоркой Канта о том, что Просвещение — это очень длительный и многоплановый процесс.

Есть и другие посвященные Канту страницы текста новой книги Хабермаса, пройти мимо которых было бы неправильно. Считаю такими рассуждения Хабермаса о некоторых очень сложных пассажах из различных классических текстов Канта. Осмыслить, описать их по-новому — дело, которое Хабермас, в том числе в последней книге, считает своим долгом. Приведу отдельные примеры.

В философии, притом еще в докантовское время, а потом и в кантовское, и посткантовское, вплоть до современности неизменно обращаются к анализу формы «Я мыслю». Но как именно он, Кант, согласно новой книге Хабермаса, понимает это, казалось бы, также известное каждому из нас утверждение — и особенно, что значит в этом принципе словечко «Я»? «Кант понимает „das Ich“ не как субъект, который на опыте узнает свое сознание либо в роли третьего лица, либо в качестве феномена самоданного очевидного переживания первого лица. Для Канта „эмпирическое Я“ как предмет внутреннего чувства есть, подобно объектам

созерцания, простое явление. Напротив, когда речь идет о „чистом Я“, о трансцендентальном Я чистой апперцепции, то имеется в виду нечто другое». Что же? Как выясняется (Habermas, 2019: 312), это Я — нечто сложное и составное.

Как первоначальное единство апперцепции «Я» осознано иначе, чем «эмпирическое Я», то есть не как явление и не как ноумен или вещь сама по себе, но как фактичность; то есть это значит, что осознается, что я *есть* (*daß ich bin*). Это предшествование есть мышление, а не созерцание (KtV, AA 03: B 157)⁵. Приведу еще одно важное высказывание Хабермаса, анализирующее соответствующий делу текст Канта:

И это есть познание критического разума, критически испытывающее собственные операции. Мне важно, — пишет Хабермас, — что Кант уже при анализе познавательных достижений начинает с концепции разумного субъекта, который не занимается ни просвещением, ни самопереживанием, но что-то испытывает как действующий (*handelndes*).

И в этом во многом конкретизируется общий вывод Хабермаса (и, скорее, не в одном тезисе, а вразбивку в целом ряде заключений, в которых я лично вижу чрезвычайно новое и значительное содержание) (Habermas, 2019: 314):

Мне представляется важным, — пишет Хабермас, — что Кант уже при анализе познавательных достижений начинает с концепции познающего субъекта, который реально осуществляет опыт в качестве действующего субъекта и постольку толкует свои познания как результаты собственных операций.

Я хотела бы присоединить к этой цитате ряд своих пояснений и заключений. Хабермас, как я полагаю, хочет прежде всего пояснить, из чего исходит Кант и на что он опирается, когда создает свою теорию критического разума, причем критического по отношению к самому себе. Полагаю, что образ субъекта и его критического самопознания у Канта был во всем его своеобразии в самом деле недостаточно принят во внимание в истории философии. Хабермас же в новой книге его, этот образ, выделяет, заостряет на нём внимание. Что это за акценты? Полагаю, что они проявляются именно в тех используемых Хабермасом формулировках, пусть и не совершенно новых, которые он находит не у кого-то другого, а у самого Канта в знакомых текстах.

⁵«Критика чистого разума» Канта цитируется согласно стандартной пагинации двух прижизненных изданий (A/B).

Считаю существенным зафиксировать вслед за Хабермасом это развитие конкретнее. Кант вводит многие новые оттенки слова «критика», которые репрезентируют именно *практическое* значение его учения (взятого во всей конкретности его идей и замыслов, акцентируемых самим Кантом). Какие оттенки Хабермас советует не упустить из виду в новых текстах, обращенных к произведениям Канта, где, по справедливому хабермасовскому наблюдению, было много относительно новых и ценных аспектов? Хабермас напоминает, например, как данная «критическо-практическая» направленность выражена в центральном фрагменте кантовского «Спора факультетов», где речь идет о свободе. Кант совершенно особым образом, считает Хабермас, рассматривает такую «разумную» свободу, которая при этом является «дарованной Богом». Кантовский анализ состоит в разъяснении того, как в применении к философии «благодать» превращается в требование:

учитывать «обязующую значимость» («Sollgeltung») законов разума. Кант выводит долженствование лишь постольку, поскольку речь идет о конечном субъекте, и в каждом данном случае о функционировании практического разума можно говорить, приводя соображения не только о добре, но и о зле. Например: надо учитывать «склонность ко злу» («Hang zum Bösen») [см. RGV, AA об: 64⁶; русский перевод см. в Кант, 1994: 66. — *Н. М.*] (Habermas, 2019: 328).

Следует текст, где Хабермас раскрывает эту непреодолимую тягу субъектов к действиям с недобрыми намерениями, неотделимую от конкретного поведения в практической сфере⁷. Далее Хабермас делает важную для понимания всей анализируемой тематики оговорку (*ibid.*: 317):

Но иерархия постановки вопроса вытекает из асимметричной трактовки обоих предметов, так что выражение «критика» приобретает два различных значения [теоретическое и практическое. — *Н. М.*].

Когда Хабермас таким образом интерпретирует и вместе с тем «ловит» Канта на том, что его «критический» разум недостаточно критичен, он иногда бывает неправ, так как приписывает Канту авторство таких

⁶В формате (AA номер тома латинскими цифрами, страница) цитируется академическое собрание сочинений Канта (Kant's gesammelte Schriften, Akademie Ausgabe).

⁷Не стану здесь вдаваться в подробности. Верно то, что Кант, а за ним и Хабермас уделяют особое внимание и тому, чтобы объяснить наличие не только светлых, но и темных сторон в человеческих деяниях как таковых и стремятся обнаружить и доказать, что многие злые действия проистекают из добрых намерений (Habermas, 2019: 350 и. А.).

содержательно-теоретических постулатов, которые трудно и понять, и доказать. Они не только сложны для понимания, но и в практическом отношении выступают скорее как что-то лишь желаемое, чем действительно выполнимое. Приведу пример: «Кант выдвигает претензию на то, что философия, как и раньше, должна ставить вопросы о границах человеческого — теперь, однако, учитывая и границы пост-метафизического мышления» (Habermas, 2019: 367). Я не помню у Канта чего-то подобно-го такой формулировке, да и термин «пост-метафизическое мышление» более позднего происхождения и потому выглядит в этом контексте как анахронизм; это, в частности, — один из излюбленных терминов самого Хабермаса. В заключение к разделу о Канте и ко всей статье скажу все же, сколь сильно новый образ Канта у Хабермаса зависит от модернизирующего, «осовременивающего» подхода к старым темам, которые в таком истолковании, несмотря на максимум «никто не забыт, ничто не забыто...», являют собой пример избирательного подхода к формулировкам, целям и материалам.

СОКРАЩЕНИЯ

AA	<i>Kant I.</i> Gesammelte Schriften. — Berlin, 1900– . Bd. 1–22 / hrsg. von der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 23 / hrsg. von der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Bd. 24 / hrsg. von der Akademie der Wissenschaften zu Göttingen.
KrV, AA 03	<i>Kant I.</i> Kritik der reinen Vernunft // Gesammelte Schriften. Bd. 3.
RGV, AA 06	<i>Kant I.</i> Die Religion innerhalb der Grenzen der bloßen Vernunft // Gesammelte Schriften. Bd. 6.

ЛИТЕРАТУРА

- Васильев В. В.* Давид Юм и загадки его философии. — М. : Ленанд, 2020.
- Кант И.* Сочинения на немецком и русском языках. В 4 т. Т. 1 / под ред. Н. Мотрошиловой, Б. Тушлингом ; пер. с нем. Н. Мотрошиловой. — М. : Ками, 1994.
- Мотрошилова Н. В.* Комментарии к новой редакции перевода «Критики чистого разума» // Сочинения на немецком и русском языках. В 4 т. Т. 1 / И. Кант ; под ред. Н. Мотрошиловой, Б. Тушлингом ; пер. с нем. Н. Мотрошиловой. — М. : Наука, 2006.
- Habermas J.* Auch eine Geschichte der Philosophie. In 2 Bde. Bd. 2. — Berlin : Suhrkamp, 2019.

Jürgen Habermas über Corona : „So viel Wissen über unser Nichtwissen gab es noch nie“ / Frankfurter Rundschau. — 2020. — URL: <https://www.fr.de/kultur/gesellschaft/juergen-habermas-coronavirus-krise-covid19-interview-13642491.html> (besucht am 15. Mai 2020).

Motroshilova, N. V. 2020. “Posledneye interv'yu i novaya kniga Yurgena Khabermasa [The Last Interview and a New Book by Jürgen Habermas]: ‘Nikto i ничто, dostoy nye etogo, ne dolzhny byt' zabyty v sovremennoy istorii filosofii’ [‘No One and Nothing worth Remembering Should not be Forgotten in a Modern History of Philosophy’] [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 4 (4), 297–313.

NELYA MOTROSHILOVA

DOCTOR OF LETTERS IN PHILOSOPHY; CHIEF RESEARCHER

INSTITUTE OF PHILOSOPHY, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES (MOSCOW, RUSSIA);

ORCID: 0000-0002-7348-6668

THE LAST INTERVIEW AND A NEW BOOK BY JÜRGEN HABERMAS

“NO ONE AND NOTHING WORTH REMEMBERING SHOULD NOT BE
FORGOTTEN IN A MODERN HISTORY OF PHILOSOPHY”

HABERMAS, J. 2019. *AUCH EINE GESCHICHTE DER PHILOSOPHIE* [IN GERMAN]. 2 VOLS.
BERLIN: SUHRKAMP

DOI: 10.17323/2587-8719-2020-4-297-313.

REFERENCES

- Habermas, J. 2019. [in German]. Vol. 2 of *Auch eine Geschichte der Philosophie*. 2 vols. Berlin: Suhrkamp.
- “Jürgen Habermas über Corona: ‘So viel Wissen über unser Nichtwissen gab es noch nie’” [in German]. 2020. Frankfurter Rundschau. Accessed May 15, 2020. <https://www.fr.de/kultur/gesellschaft/juergen-habermas-coronavirus-krise-covid19-interview-13642491.html>.
- Kant, I. 1900-. *Gesammelte Schriften* [in German]. Vol. 1–22: Ed. by Preussische Akademie der Wissenschaften. Vol. 23: Ed. by Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Vol. 24: Ed. by Akademie der Wissenschaften zu Göttingen. Berlin.
- . 1994. [in Russian]. Vol. 1 of *Sochineniya na nemetskom i russkom yazykakh [Works in Russian and German]*, ed. by N. Motroshilova and B. Tushling, trans. from the German by N. Motroshilova. 4 vols. Moskva [Moscow]: Kami.
- Motroshilova, N. V. 2006. “Kommentarii k novoy redaktsii perevoda ‘Kritiki chistogo razuma’ [Commentaries to a New Edition of ‘Critique of Pure Reason’ Translation]” [in Russian]. In Kant 1994.
- Vasil'yev, V. V. 2020. *David Yum i zagadki yego filosofii [David Hume and Riddles of his Philosophy]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Lenand.